

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

КАЦНЕЛЬСОН С. Д.

ЗАМЕТКИ О ПАДЕЖНОЙ ТЕОРИИ Ч. ФИЛЛМОРА

1. К проблеме филлморских «падежей» и предикативной валентности

Ч. Филлмор стремится очистить падежи от всяких дополнительных наслоений, обусловленных несемантическими функциями именных членов предложения, и прежде всего коммуникативными функциями «позиционных» падежей (именительного и винительного). Так называемые «позиционные» падежи не имеют прямого семантико-грамматического содержания. Исходный для всей парадигмы падеж, именительный, является прежде всего носителем чисто коммуникативной функции «темы», выделяющей тот аргумент, который стоит в центре внимания говорящего и определяет собой построение данного фрагмента речевого текста. Функция темы в принципе не зависит от валентных свойств предиката, и, соответственно, ее может выполнять любой аргумент любого предиката. Нейтральность этой функции по отношению к семантике предложения и делает возможным присутствие ее в любом предложении и функционирование члена предложения, наделенного этой семантически нейтральной функцией, в качестве точки отсчета для другого позиционного падежа — винительного. Падеж объекта, винительный, может так же, как именительный, выражаться позиционно, занимая вторую позицию в предложении. При этом, однако, требуется дополнительное условие: свою функцию (или функции, если их много) винительный падеж может выполнять только при переходном глаголе. Следующий за именительным другой немаркированный (беспризначный) падеж оказывается винительным в силу одной лишь им занимаемой позиции. Как и функция «темы», функция «прямого объекта» не является сама, по своей сущности, семантической. К функции темы она прямого отношения не имеет и связана с нею лишь постольку, поскольку выражающий тему член предложения занимает в нем первое место и является отсчетной точкой при выделении формально немаркированной формы прямого объекта.

Принципиальная асемантичность формы «субъекта» (вернее, «темы») предполагает акт ее семантической интерпретации в предложении. Этот акт опирается на особое семантическое правило, фиксирующее предпочтительное (преференциальное) отношение данного поливалентного глагола к одному из своих аргументов, который обладает преимущественной способностью функционировать в качестве субъекта при данном глаголе. Что же касается остальных аргументов, то они могут выступать в роли субъекта при данном глаголе, если последний получает особую форму, сигнализирующую об изменении глагольной интенции (интенциональности). Скрытое в каждом глаголе свойство интенциональности помогает семантической интерпретации формы субъекта. Интерпретация эта осуществ-

ляется легче, если правило интерпретации заранее обобщено: для глаголов действия оно гласит, что форма подлежащего при нулевой интенциональности глагола выражает действующее лицо.

Стремление Филлмора обнаружить глубинные падежи в их собственно семантической функции вполне оправдано. Некоторые предвзятости мешают ему, однако, последовательно провести свое намерение. Филлмор, например, обнаруживает свой инструменталис и в таких фразах, как *Ключ открыл дверь*. Но глагол *открывать* предполагает три валентности — агенса, объект открывания и инструменталис. При этом интенционально глагол направлен на форму подлежащего, что позволяет ей выражать только агенса, т. е. действующее лицо или существо. Поскольку *ключ* не отвечает этим условиям, то это слово не может стоять в форме подлежащего. Если вопреки сказанному мы все же решимся на такую фразу, то она получит семантический сдвиг в сторону одушевления ключа (*Волишебный ключ прыгнул в скважину, щелкнул и открыл дверь*) либо в сторону осложнения значения новым оттенком приспособленности (ср.: *Этот ключ не открывает двери, нужно подобрать другой*, где *открывать* означает «быть пригодным, подходить»). Во втором случае фраза *Ключ открыл дверь* означала бы «Этот ключ подошел».

Филлмор приводит и третью фразу, в которой ключ трактуется как глубинный инструменталис: *John used the key to open the door* (ср. еще в 1)¹ четвертый вариант: *John used the key to open the door with*). Фразы последнего типа требуют, как замечает Циммерман, пояснения относительно того, как соотносятся между собой глаголы *use* и *open* и каков статус конструкции *to open the door* в целостном предложении. Ответить на этот вопрос можно следующим образом. Глагол *use* «употребить, пустить в ход» и т. п. является «строевым» (в смысле Щербы) глаголом, выражающим эксплицитно общую идею использования или, что то же, употребления орудия, без указания на тип орудия и характер предполагаемого данным орудием действия. Именно поэтому такой глагол предполагает либо контекст, уточняющий характер употребления, либо глагольное дополнение, указывающее на характер действия, в целях достижения которого было использовано данное орудие. Глагольное дополнение цели может быть более или менее эксплицитным. Ср.: *воспользовался ключом, чтобы (with) открыть дверь*.

Филлмор переносит в глубинный падеж то, что функционально не относится к глубинным падежам. О глубинных (семантико-синтаксических) падежах имеет смысл говорить только применительно к функциям, специфицирующим отношения именного аргумента к предикату определенного типа. Между тем именная форма, обычно используемая для выражения отношения определенного именного аргумента к предикату, в некоторых случаях может быть использована для другой цели. В примере *Ключ открыл дверь* она используется, как мы видели, либо для стилистических целей персонификации (искусственного подведения инструмента под категорию лица), либо в целях выражения категории пригодности (соответствия или несоответствия инструмента своему назначению). Приводимые Филлмором примеры доказывают, таким образом, обратное тому, что он собирался доказать, именно то, что каждому глаголу присуща определенная типовая валентностная схема его развертывания в предложение. Так, *открывать* имеет следующую схему: «действующее лицо — объект воздействия — инструмент». Принципиальное отсутствие действующего лица

¹ В данной статье содержится также библиография работ Ч. Филлмора.

в схеме означает, что действие подчиняется иной схеме и, следовательно, не совпадает по значению с тождественным по названию глаголом с иной типовой схемой. Это значит, другими словами, что различия типовой схемы (или схемы валентности) могут служить средством разрешения полисемии, снятия ее. В приведенном выше примере *Ключ открыл дверь* постановка имени орудия на место действующего лица и, следовательно, отсутствие аргумента действующего лица является средством метафоризации имени орудия и его персонификации, совмещения в орудийном имени свойств как орудия, так и лица, что возможно только в сказке, мифе и т. п. В данном случае мы имеем дело не только с персонификацией артефакта со специальным орудийным значением, но также с переосмыслением глагольного действия, которое мыслится теперь уже не как пространственное перемещение ключа, его вторичное воздействие на замок под первичным воздействием человека и его руки. (Ср.: еще: *Он открыл дверь*, в случае незапертой двери, где действие не требует орудия).

Недостаток концепции Филлмора заключается, следовательно, в том, что он не учитывает роли валентностной схемы и ее возможного влияния на значение аргумента, вследствие которого оно может претерпеть существенный семантический сдвиг. Другой недостаток концепции Филлмора состоит в том, что придавая ведущее значение семантике имен в плане определения их падежной роли, Филлмор упускает из виду зависимость не только данного «падежа», но и предложения в целом от валентностной схемы глагольного значения. Для Филлмора *ключ* во всех трех приведенных выше фразах одинаково выполняет функцию инструменталиса, хотя более обоснованным представляется мнение, в соответствии с которым приведенные фразы не совпадают по значению и, следовательно, *ключ* выполняет различные функции в этих фразах. Собственно функцию инструменталиса *ключ* выполняет только во фразе *Джон открыл дверь ключом*. Во фразе *Ключ открыл дверь* первое слово выполняет комбинированную функцию, орудия и агенса, что указывает на смещение значения предиката и, соответственно, его валентностной схемы. В третьем предложении *ключ* выполняет функцию, сходную с его функцией в первом предложении. Но есть и разница, обусловленная различием в значении глаголов *открывать* и *использовать*, *употребить* и т. п. Эта разница проявляется в их валентностных схемах. Поскольку глагол *использовать* выражает идею употребления орудия в самом общем виде, то он открывает «гнездо» для членов предложения, уточняющих характер и содержание действия, ради достижения которого взялись за орудие. Глагол употребления в силу своей абстрактности допускает в принципе сочетание с именем любого орудия, тогда как глаголы типа *открывать*, или *пахать*, или *писать* могут сочетаться лишь с именами орудий определенного рода. Именно в силу таких своих особенностей глагол *употреблять* менее «полон» и недостаточно характеризует выполняемое с помощью данного орудия действие, ср. обстоятельства цели при таких глаголах. Можно сказать *Он воспользовался своим ножом, чтобы откупорить бутылку*, но вряд ли *Он писал своим пером, чтобы...*

*

Филлмор оспаривает принятую Хомским в «Аспектах» релевантность синтаксических функций в глубинной структуре и рассматривает различие субъекта, объекта и адвербиальных определений как явления поверхностной структуры. Он пишет: «В их глубинной структуре пропозиционные ядра предложений во всех языках состоят из *V* и одного или боль-

ше *NP*, каждая из которых имеет независимое падежное отношение к *P* (и, следовательно, к *V*).

Выделение одного из падежных словосочетаний, непосредственно подчиненных *P* в качестве субъекта, совершается с помощью соответствующих трансформаций, которые «нейтрализуют» падежное значение и определяют морфологическую форму глагола, например, его пассивизацию или рефлексивизацию*. Ср.: *Шум детей разбудил деда и Дед проснулся от шума детей*. Эти синонимические предложения содержат причинную связь, которую никак невозможно рассматривать как совместную конституенту глаголов *проснуться* и *разбудить*. Каузальная связь является скорее вышестоящим предикатом (*ein ubergeordnetes Prädikat*) с двумя пропозициями в качестве аргументов [1, с. 66].

Здесь, думается, мы имеем новую аналогию к процессу повышения одного из аргументов в ранг субъекта. Процесс повышения аргумента в субъекты зависит от роли данного аргумента в построении текста, от того, является ли данный аргумент темой или нет. В случае каузальной связи имеет место нечто аналогичное. И здесь словесное выражение каузальной связи зависит от того, аргумент какой пропозиции, — причинной или следственной, — является темой. Если причинная пропозиция становится темой, имеет место номинализация пропозиции (*дети шумели* → *шум детей*), предикатом становится каузативный глагол (*разбудить*) в функции непроизвольного и неличного возбудителя состояния, а аргумент причинной пропозиции становится объектом (т. е. носителем вторичного состояния). Если же темой предложения становится вторая пропозиция, то ее аргумент становится темой поверхностного предложения, предикатом поверхностного предложения выступает глагол, выражающий непроизвольный переход от первичного состояния во второе, а причинная пропозиция подвергается номинализации, ее предикат превращается в имя действия, ее аргумент становится атрибутом (отпредикативным), характеризующим данное имя, а вся именная группа выступает в «падежной функции» причины.

Имея дело с причинными предложениями данного типа, важно выделить следующие этапы трансформации: на первом этапе устанавливается причинная связь между двумя пропозициями, из которых одна в результате трансформации выявляется как источник и, следовательно, как причина в комбинированной пропозиции, а другая пропозиция тем самым как следствие из другой. После установления причинной связи между ядерными пропозициями и определения одной из ядерных пропозиций как причинной, а другой как следственной, начинается процесс преобразования обеих пропозиций с целью построения на их базе одного поверхностного предложения. Первым шагом на этом пути является отбор субъекта для поверхностного предложения. В соответствии с темой речевого фрагмента, в который включается формируемое поверхностное предложение, отбирается одно из ядерных предложений в качестве тематического. Если тематическим предложением окажется следственное предложение, состоящее из одновалентного предиката действия, то такой предикат преобразуется в имя действия, а его единственный аргумент в атрибут имени действия. Следующий шаг состоит в том, что имя действия, ограниченное атрибутом, преобразуется в субъект формируемого предложения и т. д. Таким образом, исходным моментом процесса порождения причинного предложения является отношение причинности/следствия, устанавливаемое

* В рукописи название работ Филлмора не указано. — *Ред.*

между двумя пропозициями. Это предикат более высокого уровня, характеризующий два события в их внутренних взаимоотношениях, и Филлмор прав, определяя это отношение между событиями как своего рода предикат, перекрывающий данные события и сливающий их в одно событие более глубокого уровня.

Схему построения поверхностного предложения можно назвать конфигурационной. Филлмор пишет: «Преимуществом категориальной трактовки падежей является то, что именные сочетания (*NP*), преобразованные в субъект и объект, могут рассматриваться как утратившие свое „изначальное“ отношение к предложению...» [1, с. 68].

2. Филлмор и его инструменталис

Филлмор в одном из вариантов своей теории глубинных падежей выделяет инструменталис в качестве особого глубинного падежа, иллюстрированного предложением *Ключ открыл дверь*. Он несомненно прав, утверждая отличие такого инструменталиса от падежа деятеля в предложении *Джон открыл дверь*. Но ближе этого различия он не касается. Между тем сформулировать разницу между этими падежами не так уж легко. Конечно, *Джон открыл дверь* это не то, что *Ключ открыл дверь*, но и не то, что *Джон открыл дверь ключом*. В последнем предложении *Джон* — это агенс, *ключом* — это инструменталис, а *открыл* — глагол действия. Но чем же тогда отличается слово *ключом* в этом предложении от слова *ключ* в предложении *Ключ открыл дверь* и как различить функции глагола *открыл* в одном и другом случаях?

Как мне представляется, в предложении *Ключ открыл дверь ключ* не инструменталис, а глагол *открыл* не просто глагол действия. Ср.: *Возвращаясь домой, я обнаружил вдруг, что потерял входной ключ. Обойдя соседей, я пытался подобрать подходящий ключ. В одной квартире я подобрал похожий по виду ключ и, представ себе, ключ открыл дверь*. Здесь «открыл дверь» означает: «ключ оказался способным открывать мою дверь», или, точнее, «ключ подошел к моему замку». Фраза *Ключ открыл дверь* ближайшим образом означает здесь «ключ соответствовал замку в моей двери». Анализируемое предложение, таким образом, выражает здесь, что найденный ключ и замок составляют единое целое, что найденный ключ — это аналог или дубликат моего ключа, что это, в сущности, ключ для моего замка. «Ключ» здесь не инструменталис, а деталь данного устройства, необходимо соответствующая замку по форме и размеру. Фраза *Ключ открыл дверь* выражает здесь событие, представляющее интерес не как таковое, а как экзemplификация факта соответствия ключа данному замку. Следовательно, семантико-синтаксический анализ фразы должен производиться на базе текста. В приведенном тексте отчетливо видно, что тематизация слова *ключ* не случайна. Если говорящий предпочел сказать *Ключ открыл дверь* вместо *Джон открыл дверь ключом*, то для этого у него были основания. В произнесенной фразе скрывается мысль: «В принципе ключ этот мог бы и не открыть двери, так как это был не обычный ключ от этого замка, которым я всегда пользуюсь, а случайно лишь по внешнему виду подобранный ключ». Дело, таким образом, заключалось в том, подойдет ли ключ к замку или нет. Оказалось, что подошел. Итак, все дело, в ключе, и сообщается именно этот факт, а не то, что Джон открыл дверь. Произнесенная фраза, собственно говоря, является заключением о соотношении данного ключа с дверным замком, заключением, основанным на житейском эксперименте. Фраза *Джон открыл дверь этим ключом* была бы умест-

на в случае, если бы другие также пытались открыть дверь этим ключом, но в силу их физической слабости или неумелости не сумели этого сделать.

Значит ли сказанное, что семантико-синтаксический анализ предложения и отдельных его членов, глубинных падежей и т. п. должен производиться на основе текста? Такой вывод представляется несколько упрощенным. Думается, что в данном случае дело не в особом глубинном падеже и какой-то специфической функции аргумента, а в чем-то другом, — именно, в контекстуальной функции предложения. Предложение подводит здесь итог маленькому житейскому эксперименту, который должен установить, подходит ли случайно подобранный ключ к дверному замку. Только этот факт оно и выражает. Это суждение об определенном ключе и его отношении к вполне определенному замку.

Этот небольшой пример позволяет высказать некоторые соображения о структуре текста. Всякий текст состоит из ряда предложений, каждое из которых отражает определенное событие. Далеко не всякое событие, предполагаемое данным текстом, находит в нем прямое отображение. Границы событий в реальной действительности текучи, и при построении текста мы ограничиваемся выделением лишь существенных точек в цепи событий, не стремясь к подробному выявлению малейших звеньев. Так, в предложении *Джон открыл дверь* может содержаться имплицитно и мысль «Джон отпер ключом замок и открыл дверь», а за предложением *Джон отпер ключом замок* может скрываться и тот факт, что Джон до того порывлся в кармане своего пиджака и вытащил ключ и т. д. Рассказчик обычно проходит мимо многих подробностей, представляющихся ему незначительными и несущественными с точки зрения хода повествования. Изложение, следовательно, отличается эластичностью и в известных границах может ужиматься либо растягиваться. Умелый отбор узловых точек и соотносительное определение степени развернутости изложения определяют во многом речевые качества говорящего. Все это не останется без последствий для внутреннего строя отдельных предложений.

Необычное построение предложения *Ключ отпер дверь* является следствием «возмущающего влияния» структуры текста на предложение. Здесь, как выяснено выше, все дело в свойствах ключа и его отношении к замку. Именно поэтому реальный субъект, лицо, действующее ключом и отпирающее замок может специально не упоминаться и даже не восстанавливаться из контекста. Синонимом такого предложения может быть предложение *Ключ подошел к замку* и с фигурой *toto pro parte* *Ключ подошел к двери*. В этом суть высказывания, которое может быть сформулировано разными путями.

Для грамматического анализа структуры предложения все это имеет немаловажное значение, но, как думается мне, не должно автоматически вести к конструированию все новых и новых глубинных падежей, как у Филлмора.

Рассмотренное предложение *Ключ открыл дверь* содержит подлежащее *ключ* при глаголе действия *открывать*. Глагол действия предполагает агенс, которым может быть только человек или активное существо. Поскольку в данном предложении в роли подлежащего выступает орудие или деталь устройства, то мы имеем перед собой случай нарушения правила. Все это показывает, что перед нами аномалия, нарушение правила. Но, нарушая господствующее в языке правило, такая аномалия сама по себе узаконена в языке в виде вторичного, подчиненного первому правилу. Отклонение от основного правила становится здесь показателем того, что

структура предложения претерпела существенные изменения и что функции аргументов соответственно сдвинуты.

Однако говорить в этих случаях о каком-то новом «падеже» или «роли», как это делает Филлмор, не приходится. Мы имеем теперь дело с возникновением конструкции, синтаксического оборота, который своей необычностью, нарушением нормы свидетельствует о том, что в содержании предложения имел место сдвиг, что предложение в целом выражает теперь факт соответствия детали устройства ее функции. Речь, таким образом, идет здесь не о новой синтаксической функции определенного члена предложения, а о значении целостной синтаксической конструкции.

3. К филлморовской теории падежей

Среди глубинных падежей Филлмора есть особый «падеж» — инструменталис, иллюстрируемый субъектом фразы *The key opened the door*. Рассмотрение этого примера приводит нас к выводу о том, что субъект, по мысли Филлмора, не является глубинным падежом и что определяющим в плане теории глубинных падежей является специфическая роль орудия в данной фразе. Но как определить эту роль? Она действительно специфична, но Филлмор, как мне представляется, не раскрывает или недостаточно четко эксплицирует эту роль. Экспликация этой глубинно-семантической функции, как мне представляется, может быть достигнута следующим путем. Конечно, предложение *Ключ открыл дверь* лишь в формальном плане дублирует предложение *Ваня открыл дверь*. В глубинно-семантическом плане речь идет о предложениях, которые либо по-разному выражают одну и ту же пропозицию, либо две разные пропозиции. В основе этих предложений может скрываться лишь сложный предикат «с помощью ключа отпереть дверь и открыть ее», либо же предикат «открыть незапертую дверь». Когда мы говорим *Ваня ключом открыл дверь*, то пресуппозицией является не только то, что дверь была закрыта, но также и то, что дверь была заперта на ключ. Эксплицитно такая пресуппозиция может быть развернута с помощью ряда предикатов «отпирать» и «открывать»: *Ваня сначала вставил ключ в замочную скважину, повернул ключ несколько раз (требуемое число раз) и затем открыл дверь*. Такая экспликация показывает, что отпирание является в данном случае лишь предварительной фазой открывания двери и что отпирание запертой двери является пресуппозицией открывания [для целей коммуникации (сообщения) это подразумевается]. Фаза несущественна, она может остаться не эксплицированной. Не эксплицированной может остаться и фаза открывания. Ср.: *Ваня отпер дверь и вошел в квартиру*, где пропущена фаза открывания двери.

Действие открывания запертой двери в целом предполагает ряд предикатов (вставить ключ в замочную скважину, поворачивать ключ, вытаскивать ключ из замка, поворачивать двери на 45 и более градусов, закрывать двери за собой и т. п.). В качестве аргументов таких предикатов здесь выступают (или могут выступать) ключ, замок (и отдельно замочная скважина), либо, открывающее дверь, и т. п. В зависимости от степени экспликации сообщение может обнаруживать различные степени развернутости или соответственно свернутости. При этом актуальными могут оказаться различные моменты или звенья в содержании информации. Предложение *Ключ открыл дверь* выделяет определенную фазу в процессе открывания запертой двери, а именно фазу отпирания. Для того, чтобы выделить эту фазу из процесса открывания, нужны особые основания, а именно актуальность этой фазы с точки зрения дальнейшего повествова-

ния. Актуализация этих моментов может быть вызвана тем, что, скажем, агент вдруг обнаруживает отсутствие необходимого ключа, берет наугад другой ключ из связки и (о, счастье) неожиданно обнаруживает, что новый ключ открывает (т. е., точнее, способен отпирать замок). Фраза *Ключ открыл дверь* в данном смысле означает «ключ подошел к замку» и, в сущности, непосредственно выражает лишь удачное для его обладателя свойство ключа и, точнее, реализацию этого свойства.

Какую же «роль» выполняет слово *ключ* во фразе *Ключ отпер (открыл) дверь*? Это не просто роль инструмента, способствующего воздействию агента на объект воздействия. Это несколько более сложная и более тонкая роль, подразумевающая соответствие детали, приводящей механизм в определенное состояние, данному механизму. Под «ключом» здесь имеется в виду не просто инструмент, а специальный инструмент, приуроченный не просто к механизму, а к данному индивидуальному механизму и способный изменить состояние механизма в заданном отношении, ср.: ключ для того, чтобы завести часть (заводной ключ); ключ, чтобы подтянуть коньки и т. п. Предикат при таком «инструментализме» содержит в себе момент индивидуального соответствия данного ключа индивидуальному экземпляру механизма, а также пресуппозиции определенных механических «состояний», подразумеваемых в подвергающемся воздействию механизме. Из пресуппозиции о соответствии такого ключа определенным экземплярам механического устройства вытекает наличие в таком предикате семы «подходить» — «не подходить». Ср.: *Ключ не открывает замка; Ключ не от этого замка; Это именно требуемый ключ* и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zimmermann I. Zur Problematik der Kasussemantik (anhand von Ch. J. Fillmore's «The case for cases») // BPTJ. 1973. Zesz. 31.